

RU

Влияние транспортных путей Западной Сибири и Югорского Севера на обычное право местного населения в XIX – начале XX в.

Науменко О. Н., Бортникова Ю. А.

Аннотация. Цель исследования – определить влияние транспортной доступности Западной Сибири и Югорского Севера на сходство норм обычного права у русского и аборигенного населения в XIX – начале XX в. Научная новизна статьи заключается в сравнении правовых обычаев пришлого и аборигенного населения Западной Сибири с акцентом на их «магическую» составляющую и роль транспортной системы региона в закреплении этих особенностей в XIX – начале XX в. В статье выявлено значение рек и сухопутных дорог в формировании правовых обычаев русских переселенцев, проанализировано содержание древнеславянских «бесчинств» и их соответствие законодательству Российской империи, обоснована схожесть «магических» представлений обских угров, исповедовавших шаманизм, и пережитков язычества у переселенцев из числа русского православного населения. Результаты исследования показали, что в Сибири обычай обеспечивал выживание, поэтому действие обычного права затронуло все сельское и кочевое население Западной Сибири и получило выражение во множестве локальных форм. Несмотря на схожесть правовых обычаев у русских сибиряков и аборигенного населения, также существовали отличия, которые отражали религиозное мировоззрение и образ жизни, а также степень влияния российского законодательства. Процесс сближения правовых норм происходил в условиях, когда быстрое перемещение из одного региона в другой было невозможным и ключевым фактором стала сложная транспортная доступность региона. Между тем в итоге проявился положительный эффект, т. к. сформировалось значительно большее культурное взаимопонимание коренного и пришлого населения, чем это наблюдалось на начальном этапе миграции русских в Сибирь.

EN

The influence of the transport routes of Western Siberia and the Yugra North on the customary law of the local population in the XIX – the early XX century

Naumenko O. N., Bortnikova J. A.

Abstract. The aim of the study is to determine the influence of transport accessibility of Western Siberia and the Yugra North on the similarity of customary law among the Russian and aboriginal population in the XIX – the early XX century. The scientific novelty of the paper lies in comparing the legal customs of the immigrant and aboriginal population of Western Siberia with an emphasis on their “magical” component and the role of the transport system of the region in consolidating these features in the XIX – the early XX century. The paper has revealed the importance of rivers and land roads in the formation of legal customs of Russian settlers, analyzed the content of Ancient Slavic “rowdiness” and its correspondence to the legislation of the Russian Empire, substantiated the similarity of the “magical” ideas of the Ob Ugrians, who professed shamanism, and remnants of paganism among the settlers from the Russian Orthodox population. The results of the study have shown that custom ensured survival in Siberia, so customary law affected the entire rural and nomadic population of Western Siberia and was expressed in a variety of local forms. Despite the similarity of legal customs among Russian Siberians and the aboriginal population, there were also differences that reflected the religious worldview and lifestyle, as well as the degree of influence of Russian legislation. The process of convergence of legal norms took place in conditions when rapid movement from one region to another was impossible and the difficult transport accessibility of the region was the key factor. Meanwhile, eventually, there was a positive effect, because a much greater cultural understanding between the indigenous and the immigrant population was formed than had been observed at the initial stage of the migration of Russians to Siberia.

Введение

Актуальность темы. Тема религиозной толерантности не теряет значимости в современном мире, особенно в условиях ее обострения в последние годы. В России одна из актуальных тем в этом плане – язычество и шаманизм, которые как форма религиозных верований представлены не только коренными народами Севера, но и отдельными представителями из числа славян. Знание народами, проживающими на одной территории, религиозных представлений друг друга содействует формированию толерантности и укрепляет взаимопонимание между ними.

В истории любой страны транспортная система оказывает важное влияние на состояние культур коренных народов, т. к. обеспечивает воздействие на них пришлого населения, стремящегося освоить новый для себя регион. В Сибири среди колонизаторов и первопроходцев были не только миссионеры, цель которых заключалась в сознательном обращении аборигенов в христианство, ислам или буддизм, но и обычное население, вступающее с коренными народами в бытовые, торговые и культурные связи, включая смешанные браки. В результате оно само начинало ощущать влияние местных культур, в том числе правовых представлений. История этнических контактов показала, что степень сохранности культур коренных народов зависела от степени воздействия на них пришлого населения, а сила этого воздействия была напрямую связана с доступностью, т. е. с развитостью путей сообщения. Поэтому исследование данного фактора является актуальным с позиций дальнейшего изучения механизмов взаимозамещения культур на конкретных территориях.

Задачи исследования:

- определить особенности обычного права у населения Западной Сибири в условиях ограниченной транспортной доступности региона в XIX – начале XX в.;
- сравнить нормы обычного права у русского переселенческого населения и коренных народов Севера в XIX – начале XX в.;
- проанализировать роль «магической» составляющей в системе обычного права населения Югры в XIX – начале XX в.

Степень изученности темы. Теоретическая база. Тема исследования пока не рассматривалась в историографии в изложенном ракурсе. Ученые изучали или роль дорог в процессе освоения Сибири, или непосредственно обычное право.

О. Н. Катионов (2004) подчеркивает огромную роль Московско-Сибирского тракта в жизни сибиряков: он не только связывал Сибирь с европейской частью России, но и влиял на жизнь людей, принимая все новые потоки переселенцев. Между тем анализ представлений о справедливости и праве, характерных для переселенцев, в задачу ученого не входил. Исследователями также единодушно отмечено, что роль сибирских рек как транспортных артерий сложно переоценить: их влияние наблюдалось во всех сферах жизни общества. Значение природно-географических факторов при колонизации Западной Сибири и Российского Севера, в сравнении с освоением Северной Америки, – популярная тема в современных исследованиях. В вопросе о степени сходства колонизационных процессов в Сибири и США мнения разделились, но роль рек, климата и природных условий осталась общепризнанной (Акимов, 2010; Никитин, Петров, 2012; Резун, 2001).

В частности, Е. М. Главацкая (2009, с. 102) заметила, что мусульманские миссионеры двигались по рекам Западной Сибири, и именно по берегам зафиксированы наибольшие следы ислама в культуре остяков и вогулов (например, мусульманские имена). Исследование А. А. Дунина-Горкавича, например, показало, что у одной из групп остяков, проживавших на берегу крупной реки, существовало мусульманское правило хоронить покойников в день смерти (Исследователь Севера..., 1995, с. 62). Robert Joseph Kerner (1973) также отводит ведущую роль сибирским рекам в процессе становления культурного фронта.

Исследования в сфере обычного права аборигенного и русского населения Западной Сибири проводятся в одинаковом ракурсе: идет анализ преимущественно сферы гражданско-правовых и семейных отношений. В меньшей степени исследователи интересуются системой преступлений и наказаний, но все ученые рассматривают обычай лишь с позиций современного юридического понимания (Зибарев, 1990; Наумкина, 2015).

А. В. Дружинина и И. А. Маньковский (2016) отмечают, что в XIX в. в России обычай был широко распространен и он всегда противоречил законодательству. Кроме отдаленных регионов России, обычай был характерен для всего российского крестьянства, включая европейскую территорию страны. И. В. Скрябин подчеркивает, что «главным обстоятельством, которое отразилось на особенности крестьянского правосознания, явилась их правовая изоляция» (2018, с. 17); к этому утверждению можно добавить, что в Сибири долгое время существовала еще и территориальная изоляция, которая усилила действие правового обычая. Результаты прежнего научного исследования, проведенного соавтором статьи, также доказали, что обычное право было одним из мощнейших механизмов, препятствующих включению сибирского крестьянства в правоотношения, соответствующему российскому законодательству (Науменко, Альмухаметова, 2008).

Лишь отдельные авторы заметили главную особенность обычного права народов Севера – т. н. «магическую» составляющую, которая пронизывала всю систему наказаний и обеспечивала правопослушное поведение. Выводы О. Н. Науменко, Т. В. Ткачевой, В. Т. Галкина (2021) подтверждают, что «магическая» составляющая в культуре народов Севера не только существовала, а определяла их правовое поведение, а оно вписывалось в этику, что на примере хантов доказала М. А. Лапина (2008).

В юридических обычаях русского сельского населения «магия» тоже присутствовала, но учеными пока не рассматривалась, хотя исследований в целом проведено достаточно (Альмухаметова, 2017; Дашковская, 2014; Скрябин, 2018; Федоров, 2013). Кроме этого, еще не осуществлялся сравнительный анализ норм обычного права русского и аборигенного населения Западной Сибири, включая связь с развитием транспортной системы региона. В целом остаются не исследованными следующие вопросы:

- в чем заключается сходство обычного права аборигенного и русского населения Западной Сибири XIX – начала XX в.;
- чем обусловлено это сходство;
- какова роль путей сообщения в формировании этих общих норм.

Материалы и методы исследования. Источники исследования включают несколько групп:

1. Материалы, отражающие нормы обычного права в Западной Сибири и на Севере Югры: сборники обычного права, периодическая печать, описание юридических обычаев сибирского крестьянства, проведенное в процессе подготовки судебной реформы, а также анализ реальных судебных дел:

- Иллюстратов И. Юридические пословицы и поговорки русского народа. М.: Тип В. В. Чичерина, 1885.
- Костров П. Юридические обычаи крестьян-старожилов Томской губернии. Томск: Томская губернская типография, 1876.
- Новомбергский Н. По Сибири. Сборник статей по крестьянскому праву, народному образованию, экономике и сельскому хозяйству. СПб., 1903.
- Самоквасов Д. Я. Сборник обычного права сибирских инородцев. Варшава, 1876.
- Сибирская газета. 1881. № 32.
- Чарушин А. А. Взгляд народа на преступление. Архангельск: Губернская типография, 1912.

Юридические обычаи русских определялись по документам волостных судов, а коренного населения Западной Сибири – с привлечением этнографических исследований. Особенностью последних является их деформация под влиянием российского законодательства, которая происходила с XVII в., поэтому некоторые нормы, зафиксированные в XIX в., уже не являлись традиционными. Их проверка возможна путем сопоставления с другими этнографическими и правовыми источниками.

2. Мифология, где содержатся сюжеты правового характера, относящиеся к традиционной культуре; этот вид источников характеризует «магическую» составляющую обычного права (Шапарова Н. С. Краткая энциклопедия славянской мифологии. М.: АСТ, 2002).

3. Архивные документы – фонды Государственного архива Тюменской области в г. Тобольске (ГУТО ГА в г. Тобольске), в которых содержатся судебные дела и реальные случаи их рассмотрения с применением норм обычного права.

В целом знание особенностей правовых обычаев русского и аборигенного населения Западной Сибири позволяет глубже понять анализируемые документы, а также роль факторов природного и техногенного характера, которые оказывают влияние на трансформацию или сближение культур.

В качестве методологии использована теория систем L. fon Bertalanffy (1968), которая объясняет механизм трансформации правового сознания в условиях изолированности региона из-за его недостаточной транспортной доступности. Поэтапное прибытие русского населения в Западную Сибирь, укрепление новой административной власти, введение российского законодательства и православное миссионерство – все эти факторы вывели из равновесия традиционные представления аборигенов, включая обычное право. Наступила точка бифуркации, после чего элементы традиционных представлений сложились в новой последовательности, частично совпадающей с русской культурой. С другой стороны, в условиях изолированности региона, слабого контроля со стороны власти, но сильного воздействия шаманизма и уголовной субкультуры пришли в движение и правовые представления русских, также сложившись в новой последовательности. Именно этим может объясняться принятие русскими на следствии и суде показаний, полученных из камланий сибирских шаманов.

Среди методов исследования использованы сравнительно-исторический и сравнительно-правовой. Первый метод позволил выявить повторяющиеся правовые нормы в традиционных представлениях аборигенного и русского населения Западной Сибири, сопоставить «магическую» составляющую в двух правовых культурах. С помощью второго метода удалось провести сравнение норм обычного права и действующего на тот момент российского законодательства.

Практическая значимость исследования заключается в том, что его результаты могут быть использованы в учебных курсах по истории России, Западной Сибири и истории государства и права, а также для понимания механизмов взаимопроникновения культур в условиях Севера, что важно представителям государственной власти в процессе управления.

Обсуждение и результаты

С XVII в. переход из Европейской России в Сибирь обеспечивал Московско-Сибирский тракт, и русские обычно расселялись вдоль него (Катионов, 2004), однако этот путь нельзя назвать доступным, т. к. пешком он занимал 1,5-2 года (Бортникова, 1999, с. 48). Переселенцы, попадая в Сибирь, как правило, обратно не возвращались, адаптируясь к местным обычаям и правилам, а также вырабатывая собственные правовые представления, не зафиксированные ни в одном письменном источнике.

Контакты русских с аборигенным населением в тот период были повсеместными, т. к. поселения тех и других находились не только на Севере, но и в южной части Западной Сибири. В частности, исследование метрических книг XIX в. вывело на однозначные следы обско-угорских поселений на юге современной Тюменской области (Науменко, Бортникова, 2021, с. 18-19). Близость к культуре коренных народов, живущих в интуитивно-магическом мире духов и шаманизма, влияла на правовое сознание русского населения, причем не только крестьян. Русские обращались к шаманам для расследования преступлений, а суды принимали показания шаманов как свидетельство. Приведем выдержку из этнографического источника об отношении российской административной власти к сведениям, полученным на камлании: «Выявленные шаманским гаданием, они были признаны местной властью достаточно серьезным основанием для привлечения увиденного шаманом преступника к ответу» (Косарев, 1991, с. 185).

На правовые представления русского населения влияла также уголовная субкультура, т. к. преступники, высланные в Сибирь из Европейской России, расселялись среди сибирского крестьянства, которое обязано было их перевоспитывать. Нередко получалось наоборот, что отражено в отчете Тобольского тюремного инспектора А. Теплова: «Плохие и даже очень плохие результаты дало подневольное переселение в Сибирь людей порочных, сумевших на новых местах не только развить свои безнравственные принципы, но и привить их к части коренного населения, действуя на него растлевающим примером веселой, пьяной жизни» (Цит. по: Науменко, Альмухаметова, 2008, с. 96). В 1900 г. российское правительство отменило сибирскую ссылку как вид уголовного наказания, т. к. преступники бесконтрольно покидали регион. После отмены ссылки влияние уголовной субкультуры на сибирское население ослабло, что не могло не отразиться на их правовых представлениях. Однако результатом многовекторного воздействия стало превращение Западной Сибири в регион, где оказались представлены разные правовые системы, включая обычное право.

Обычай чаще всего ассоциируется с культурой коренных народов Севера. Между тем традиционные представления о преступлении и наказании, далеко не всегда совпадающие с действующим законодательством, были характерны также для славянского населения Западной Сибири, и власть вынуждена была с этим считаться. Не случайно судебная реформа 1864 г., став одной из самых современных в пореформенный период, в Сибири была отложена до 1890-х гг. и вызвала множество дискуссионных вопросов о целесообразности ее проведения вообще.

При территориальной оторванности от Европейской России, еще и в сложных климатических условиях обычай обеспечивал выживание, т. к. представлял собой проверенную временем систему социальных норм. Поэтому действие обычного права затронуло все сельское и кочевое население Западной Сибири и получило выражение во множестве локальных форм. Несмотря на схожесть правовых обычаев русских сибиряков и местных аборигенов, существовали отличия, которые отражали религиозное мировоззрение и образ жизни, а также степень влияния российского законодательства. В частности, статьи Уголовного Уложения 1845 г. о телесных наказаниях легко вписались в обычаи русских крестьян, т. к. изначально не противоречили ему (например, традиционным «кулачным боям»).

У коренных народов Севера обычаи были другими: например, у обских угров битье плетью не соответствовало их традиционной культуре. Между тем наказание розгами зафиксировано в судебной документации XIX в. и воспринималось этнографами как часть их обычного права. При этом у разных групп коренных народов отличалась не только практика телесных наказаний, но масштабы и принципы их применения.

В частности, в конце XIX в. у остяков верховья реки Васюган финский этнограф У. Т. Сирелиус зафиксировал наказание за кражу рыбы из ловушки: «Приговор соответствует остяцкому обычному праву: если виновный, будучи уличенным, отказывается уплатить назначенную владельцем сумму, его бьют до тех пор, пока он не согласится. Затем его бьют еще, чтобы он в будущем не предпринимал более таких попыток. Владелец не всегда требует возмещения убытков, в таком случае виноватого бьют только для наказания» (2011, с. 79). В другом случае виновный сам назначал себе количество ударов плетью или розгами: «Когда с обеих сторон сделано по 10 ударов, наказуемого человека поднимают и спрашивают, не достаточно ли. Если он ничего не говорит, его снова кладут и бьют еще десятью розгами, пока он не попросит прощения» (Сирелиус, 2011, с. 238).

Наконец, за 1811-1901 гг. в документах Обдорской управы зафиксированы телесные наказания практически за все виды преступлений: кража, оскорбления, буйства, растрата казенного имущества, убийство, изнасилование и т. д. (Обдорской управы книга..., 1970). Число ударов в приговорах – фиксированное, однако количество преступлений крайне низкое: за 20 лет – всего 2 убийства (оба непредумышленные), 2 оскорбления словами, 2 изнасилования (оба – в пьяном виде), по 1 случаю – неисполнение служебных обязанностей и растрата казенного имущества и т. д. Это означает, что наказание понесли лишь те, кто попался, а остальные, кочуя по Арктике и будучи удаленными от российской административной власти, жили в рамках традиционных правовых представлений.

В целом различия в применении телесных наказаний у разных групп народов Севера показывают: чем менее доступны для русских были поселения коренных народов, тем меньшее воздействие на их обычное право оказывало российское законодательство. И важнейшую роль в этом играла транспортная система.

Общей нормой обычного права сибирских крестьян и коренного населения было неподчинение правилам судопроизводства и вынесение приговоров в соответствии с собственным понятием справедливости. Приведем показания судебного чиновника о решении дел крестьянами Тобольской губернии в 1889 г.: «На сельском сходе господствует полный произвол; дела, подлежащие ведению схода, остаются без движения; дела же, представленные законом ведомству суда, свободно обсуждаются на сходках, причем с лиц, признанных

сходом в чем-то виновными, обыкновенно присуждалась водка, которая тут же на сходе и распивалась; сходами нередко захватывалось имущество крестьян, в чем-то провинившихся перед миром, и затем имущество это самовольно продавалось и закладывалось» (ГУТО ГА в г. Тобольске, ф. 332, оп. 1, д. 47, л. 30 – 33 об.).

Характеристика решения дел в русской деревне в целом соответствует описанию суда в остоячках юртах: «Иногда наказание начинается с насмешек. Приговоренному надевают на голову высокую цилиндрическую шапку из бересты либо его заставляют бить в печное железо... Иногда бывает, что старосту по окончании срока службы приговаривают к наказанию розгами... за какие-либо ошибки при исполнении служебных обязанностей, одновременно это служит предостережением новому старосте» (Сирелиус, 2011, с. 239).

У коренных народов Севера не считалось преступлением вынужденное действие, в частности кража еды голодным человеком или заимствование даров, принесенных богам другими людьми, и др. Если же преступное деяние не относилось к категории вынужденных, то за ним обязательно следовало наказание. В славянской культуре отношение к противоправному поведению было близким, но с отличительной особенностью: иногда оправдывалось преступление, совершенное без причины. В этом плане отметим «бесчинства» как форму ритуального поведения в деструктивной форме, что происходило во время некоторых праздников (святки, Масленица и др.) (Шапарова, 2002, с. 88). В современном понимании это соответствует преступлению или административному проступку; составы правонарушений отражали деяния против имущества и личности и могли быть квалифицированы в рамках уголовного, административного и гражданского права. В основном такое поведение касалось нанесения имущественного вреда и телесных повреждений:

1) хищение чужого имущества, то есть «тайный вынос с двора» орудий труда, транспортных средств, личных вещей, предметов быта, угон скотины и др., которые перемещались в такие места, где невозможно было обеспечить их сохранность, особенно зимой (дорога, горы, река, прорубь и т. д.);

2) порча чужого имущества: например, умышленное изъятие и уничтожение деталей мельниц, колодцев, сваливание заборов и т. д.;

3) уничтожение имущества: сжигание плугов, телег и других предметов;

4) создание препятствий другим людям в пользовании собственным имуществом: возведение баррикад из краденых вещей на пути к дому, замазывание входов в дом нечистотами, сажей, затыкание печных труб тряпками, соломой и т. д.;

5) самосуд, что чаще всего выражалось в поругании не сохранивших невинность девушек, и др. (Шапарова, 2002, с. 88).

Наиболее яркой особенностью обычного права, сблизившей обе культуры, была «магическая» составляющая, которая предполагала, что в связке «преступление и наказание» обязательно участвуют потусторонние силы. В представлениях казымских ханты, например, существовало понятие «мулаты» – это «проклятие», которое пострадавший налагал на обидчика (преступника), но действие проклятия начиналось, если с этим согласятся духи: именно за ними было последнее слово. Проклятие предполагалось за деяния, которые по современному законодательству можно классифицировать как разные группы преступлений: против личности, имущества, чести и достоинства и др., – и на каждый вид преступления существовали свои ритуалы и словесные формулы.

Среди наказаний фигурировали только те, которые могли быть наложены богами и духами: преимущественно болезнь, смерть, разорение (Науменко, Ткачева, Галкин, 2021). Лишение свободы и следственная пытка, характерные для российского законодательства, в таких представлениях отсутствовали, но могли применяться для «чужих». Виновный из числа «своих» отвечал не только перед людьми, но и перед духами, а их, как считалось, обмануть не получится. С этим можно связать ситуацию, когда преступник сам назначал себе количество ударов плетью или розгами, при этом не уменьшая их, а увеличивая (Сирелиус, 2011, с. 238). При расследовании преступлений обычно обращались к шаманам, которые в этом процессе были главными действующими лицами, имея «духов-помощников».

«Магическая» составляющая присутствовала и в славянской правовой культуре, где сохранялись следы язычества, однако и здесь наблюдались отличия от представлений коренных народов. В северном шаманизме верховными судьями и исполнителями решений были духи, которые наказывали и восстанавливали справедливость независимо от проклятья, наложенного человеком. При этом даже злые духи не могли вредить людям без причины (их нужно было рассердить), а люди не могли наказывать духов-судей.

В традиционной культуре русских крестьян было наоборот. Проклятье-наказание, а том числе за преступление, накладывал сам человек («ведуны» и «ведуны»), и ему не нужно было согласовывать свое решение с потусторонними силами. Кроме этого, согласно мировоззрению славян, «ведуны» вредили людям без какого-либо основания, сами таким образом совершая преступления (например, поджог пшеницы и т. д.) (Шапарова, 2022, с. 137-149). И в этом случае люди могли «ведуна» наказать сами. В «Сибирской газете» за 1881 г. описана крайне интересная история безнаказанного убийства крестьянки Дарьи Андреевой, которая была избита своим мужем, после чего смогла дойти до соседей, попросила воды и умерла. Но перед этим соседями успели позвать ее мужа, который умирающую пинал ногами и называл ее «старой ведьмой». Обратим внимание, что соседи за женщину не заступились. Виновный также не был наказан, т. к. при расследовании преступления вся деревня встала на сторону мужа, скрыв обстоятельства убийства («все огулом стояли за Андреева») (Науменко, Альмухаметова, 2008, с. 103), а волостной старшина под давлением сельского сообщества совершил еще и служебный подлог, заменив следственные документы (Сибирская газета, 1881, с. 902).

Для расследования преступлений русские крестьяне нередко обращались к гадалкам и северным шаманам. Сохранилось свидетельство о посещении шамана группой русских мужчин, когда у одного из них украли

хомуты. Шаман камлал для русских, непосредственно при них; он мысленно нашел краденое, описав место. После окончания ритуала очевидец Н. П. Григоровский беседовал с ним и записал свои впечатления: «Я спрашивал его... что было после того, как его связали и погасили огонь. Он ответил, что лозы носили его туда, где была покража, и показывал, как вор украл хомуты, как нес их с собою, где спрятал и какую положил заметку, чтобы самому найти... На другой день Егор пошел к старшине, рассказал ему все о нашей поездке и воровстве и просил собрать людей, чтобы при них найти покражу. Люди собрались, пошли и, действительно, в показанном месте нашли зарытыми в снегу и занесенные еще снегом три хомута, а поверх того места брошенную и воткнутую в снег половину оглобли» (Цит. по: Косарев, 1991, с. 185).

В целом в обычном праве как коренных народов Севера, так и русского крестьянского населения Западной Сибири виды противоправных деяний соответствовали российскому законодательству, кроме одного – преступлений против государства. Однако сформировалось и представление о невиновности, которое нередко вступало в противоречие с законом; также действовала своеобразная система наказаний через вмешательство потусторонних сил. Если у народов Севера правовое поведение включало разрешение и запрет, то у русских крестьян оно было шире: в качестве третьей составляющей присутствовала мотивация преступлений. Для примера можно привести поговорку о растениях: «Краденое лучше растет», а также практику краж, если вещь «плохо лежит» (Науменко, Альмухаметова, 2008, с. 104).

Эти представления были характерны не только в XIX – начале XX в., но сохранились и позднее. В середине XIX в. по рекам Западной Сибири начали ходить баржи, а в 1890-х гг. началось строительство Транссибирской магистрали, и формально транспортная доступность региона улучшилась. Между тем регулярная навигация осуществлялась лишь в период короткого северного лета, а железная дорога от Тюмени свернула на Омск, минуя территорию Югры. Все это поддерживало обособленность региона и содействовало сохранению норм обычного права в течение длительного времени.

Заключение

Сближение норм обычного права у русского и инородческого населения Западной Сибири было закономерным явлением, вызванным, с одной стороны, близостью проживания, а с другой стороны, – ослаблением влияния на переселенцев Европейской России. Кроме этого, на русскую народную культуру Православная церковь оказала значительно большее влияние, чем на представления коренных народов Севера: искореняя язычество, церковь формировала в прихожанах понятие «греха» при обращении к любым древним практикам. Однако удаленность от Европейской России изменила и саму Православную церковь, которая вынуждена была делить внимание между русским и аборигенным населением региона, невольно сближая в рамках одного прихода настолько разных прихожан.

Эти процессы происходили в условиях, когда быстрое перемещение из одного региона в другой было невозможным. Огромные пространства Сибири приводили к тому, что население, с одной стороны, было рассредоточено по всей колонизируемой территории, а с другой стороны, концентрировалось в пределах конкретных поселений со смешанным этническим и конфессиональным составом. В этой связи транспортная доступность становилась ключевым фактором, который мог бы замедлить или даже предотвратить сближение норм обычного права между аборигенным и русским населением. Однако в условиях фактической изоляции Сибири от Европейской России этого не произошло, а сближение обычного права дало положительный эффект для региона в целом, т. к. привело к значительно большему культурному взаимопониманию аборигенов и русских.

Исследованный опыт показал, что знание и учет обычного права народов Севера обеспечивают их более глубокое взаимодействие с пришлым населением, причем на всех уровнях, включая государственную власть, – именно это можно использовать в современной Сибири для консолидации местного населения разной этнической и конфессиональной принадлежности.

Дальнейшего изучения требует обычное право тюркского населения Западной Сибири, его связь с юридическими представлениями обских угров и русских, формировавшимися в сложных условиях доступности региона. Кроме этого, перспективы исследования связаны с анализом на территории Югры современных неязыческих представлений и норм обычного права, препятствующих закреплению в социуме высокого уровня правовой культуры.

Источники | References

1. Акимов Ю. Г. Северная Америка и Сибирь в конце XVI – середине XVIII в. Очерк сравнительной истории колонизаций. СПб., 2010.
2. Альмухаметова М. Ш. Понятие «преступление» в представлении крестьян Российской империи // Культура, образование и право в международном инновационном пространстве: сб. науч. трудов кандидатов и докторов наук. Тюмень: ТюмГУ, 2017.
3. Бортникова О. Н. Сибирь тюремная: пенитенциарная система Западной Сибири в 1801-1917 гг. Тюмень: Вектор-Бук, 1999.
4. Главацкая Е. М. Православная колонизация и изменение религиозного ландшафта Урала в XVIII в. // Уральский исторический вестник. 2009. № 2 (23).

5. Дашковская Н. В. Особенности применения правовых обычаев в деятельности волостных судов в России XIX века // Правовая инициатива. 2014. № 4.
6. Дружинина А. В., Маньковский И. А. Обычай как неотъемлемая часть традиционной правовой культуры некоторых народов Российской империи в XIX веке // Государство и право в XXI веке. 2016. № 2.
7. Зибарев В. А. Юстиция у малых народов Севера (XVII-XIX вв.). Томск: Изд-во ТГУ, 1990.
8. Исследователь Севера Александр Дунин-Горкавич: к 140-летию со дня рождения / сост. Н. И. Загороднюк; вступ. ст. Ю. П. Прибыльского. М.: Галарт, 1995.
9. Катионов О. Н. Московско-Сибирский тракт и его жители в XVII-XIX вв. Новосибирск: Изд-во НГПУ, 2004.
10. Косарев М. Ф. Древняя история Западной Сибири: человек и природная среда. М.: Наука, 1991.
11. Лапина М. А. Этика и этикет хантов. Томск: Изд-во ТГУ, 2008.
12. Науменко О. Н., Альмухаметова М. Ш. Правоохранительная система и гражданское общество в Западной Сибири: аспекты взаимоотношений в ретроспективе. Тюмень: Изд-во ТюмГУ, 2008.
13. Науменко О. Н., Бортникова Ю. А. Борьба религиозных миссионеров с суицидами коренных народов севера в XVII – начале XX вв. (на материалах Ямала и Югры) // Суицидология. 2021. Т. 12. № 2 (43).
14. Науменко О. Н., Ткачева Т. В., Галкин В. Т. Исторический аспект уголовно-правовых представлений и системы защиты прав коренных народов Севера на территории Ямала и Югры // Юридические исследования. 2021. № 4.
15. Наумкина В. В. Договорные отношения и обычное право в семейно-брачных отношениях кочевых народов Восточной Сибири // Вестник Бурятского государственного университета. 2015. № 2 (2).
16. Никитин Н. И., Петров Ю. А. Русская колонизация Сибири и Америки: дискуссионные проблемы // Вестник Российской нации. 2012. № 4-5.
17. Обдорской управы книга для записи приговоров по тяжбам, спорам и проступкам инородцев (1881-1901) / ред. В. П. Кириченко. Томск, 1970.
18. Резун Д. Я. О некоторых моментах осмысления истории фронта в Сибири и Северной Америке XVII-XVIII вв. // Американские исследования в Сибири: мат. всерос. науч. конф. «Американский и сибирский фронт» / ред. кол.: В. П. Зиновьев, М. Я. Пелипась, А. С. Янушкевич; Министерство Российской Федерации; Национальный исследовательский Томский государственный университет. Томск: Изд-во ТГУ, 2001.
19. Сирелиус У. Т. Путешествие к хантам / пер. с нем. Н. В. Лукиной. Томск: Изд-во ТГУ, 2011.
20. Скрябин И. В. Правовая культура российского крестьянства в конце XIX века (на примере материалов Тульской губернии) // Правовая культура. 2018. № 2 (33).
21. Федоров С. Г. Обычное право, самосуд и конокрадство в российской и сибирской деревнях во второй половине XIX века // Вестник Курганского государственного университета. 2013. № 4 (31).
22. Bertalanffy L. fon. General System Theory: Foundations, Development, Applications. N. Y.: George Braziller, 1968.
23. Kerner R. J. The Urge to the Sea. The Course of Russian History. The Role of Rivers, Portages, Ostrogs, Monasteries and Furs. Berkeley – Los Angeles, 1973.

Финансирование | Funding

RU Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского научного фонда, проект № 22-28-20106, <https://rscf.ru/project/22-28-20106/>.

EN The reported study was funded by the Russian Science Foundation, project No. 22-28-20106, <https://rscf.ru/project/22-28-20106/>.

Информация об авторах | Author information

RU Науменко Ольга Николаевна¹, д. ист. н., проф.
Бортникова Юлия Александровна², к. ист. н.
^{1,2} Югорский государственный университет, г. Ханты-Мансийск

EN Naumenko Olga Nikolaevna¹, Dr
Bortnikova Julia Aleksandrovna², PhD
^{1,2} Yugra State University, Khanty-Mansiysk

¹ oolgann@mail.ru, ² Institute_cpk@mail.ru

Информация о статье | About this article

Дата поступления рукописи (received): 28.09.2023; опубликовано online (published online): 08.11.2023.

Ключевые слова (keywords): пути сообщения; правовой обычай; обские угры; русское население; север; бесчинства; Сибирь; Север; шаманизм; transport routes; legal custom; Ob Ugrians; Russian population; north; rowdiness; Siberia; North; shamanism.